Два шамана

- Как вы считаете, маркиз – Его Величество Наполеон третий сильно раздражен выходкой русского императора?
- Безмерно, милорд, безмерно. Написать в официальном письме вместо "дорогой брат" "дорогой друг" - это похлеще прилюдной пощечины. Открою вам секрет – принято решение наказать Россию. Конечно, открытое противостояние проблематично. Но оказать помощь Стамбулу Франция в состоянии.
- То есть, Франция примкнет к Англии?
- В Черном море – безусловно. Но отправлять эскадру к берегам Камчатки…
- Согласитесь, маркиз, что две эскадры в Тихом океане намного лучше, нежели одна.
- Франции не нужна Камчатка, милорд. Просто проучим Николая Павловича…
- Хм. А Англия против Камчатки ничего не имеет. В составе Британской империи, конечно. Лишь бы не помешала Русская Аляска. Какие там силы, не знаете?
- Ах, милорд, у русских даже самые точные сведения устаревают быстрее, чем идет письмо… Немыслимые расстояния!

Из приватной беседы английского посланника Джорджа Гамильтона Сеймура и французского посланника Бартелеми-Доминика-Жака-Армана маркиза Кастельбажака. Санкт-Петербург, сентябрь 1853 года. Записано со слов столового лакея французского посольства Жака Клебо ротмистром третьего жандармского управления Его Величества Тайной канцелярии Сергеем Аркадьевичем Хитрово.

- Ты, мон шер, потеплее одевайся-то. Сибирь, она сейчас край зимний. Морозы лютуют. Так что, поспешай, само собой, но не геройствуй. Дорога предстоит дальняя. До весны постарайся по зимникам успеть. Если вовремя доедешь до Хабаровска – аккурат к ледоходу на Амуре успеешь. А там пересядешь на корабль и помчит он тебя через море Охотское прямиком в славный город Петропавловск, что на Камчатке.

Кирилла Степаныч балагурил, привычно нанизывая нравоученые слова на нитку добродушного инструктажа.

Григорий Мурылев согласно кивал, мыслями же был уже далеко за Уралом. Шутка ли – десять тысяч верст! Не каждому выпадает такое задание.

- Не забывай – слово государево везешь. Еще заманят в Омсках да Томсках офелии тамошние бравого курьера. И завязнешь по личной глупости в сибирской распутице. Потом за опоздание голову снимут.

- Не волнуйтесь, не заманят.

- Ага. Молодой, холостой, из самого Петербурга. Ладно, держи пакет. В журнале распишись, чтоб все у нас чин чином было. С родными простился? Тогда – вот тебе ассигнаций на дорогу. Пропуск выписан самый, что ни на есть, сурьезный. С ним тебе лошадок менять будут без промедлений. Но ты зря не гони. Езжай днем, а по ночам спи.

- Понятно.

- Сибирь ведь казаки осваивали. Они, конечно, народ своевольный, но по части путешествий соображают. Как раз от заимки до заимки один дневной переход заложили. Вот ты и не геройствуй. Но и не тяни. В пакете важные бумаги от государя самому камчатскому губернатору Завойко. Сам понимаешь – война на пороге.

Григорий едва заметно сморщился. Война с турками тянулась уже почти полгода. Союзники Османской империи французы с англичанами высадились в Болгарии еще в октябре, да там и попали под холерное поветрие. Небось, не скоро очухаются.

Вещи были собраны еще вчера. Да и много ли их потребно курьеру! Особенно, если курьер молод, горяч и мечтает прославиться. Как там, у Давыдова? Сабля, трубка, конь казацкий.

Мурылев сердечно простился с Кириллой Степанычем, упрятал пакет с сургучными печатями в сумку и вышел на улицу.

Морозный воздух на миг перехватил дыхание.

- О, Гриша!- воскликнул невысокий поручик, проезжавший мимо в открытых санях.- Останови-ка, братец, на минутку. Здравствуй, друг!

- Здравствуй, граф,- улыбнулся Мурылев.- Куда едешь? Артиллерию свою из-под снега выкапывать?

Или в издательство рассказы отвозил?

- А,- отмахнулся собеседник,- рассказы не берут – говорят, что почерк больно неразборчивый, а артиллерию до весны лучше не трогать. Просился в действующую армию. Обещали не отказать. А ты как?

- Уезжаю я, Лева.- Григорий состроил таинственную физиономию.- По важному поручению.

- И кто рискнул доверить тебе нечто важное?- засмеялся поручик.

- Не поверишь,- Мурылев понизил голос, даже оглянулся,- сам государь… секретный пакет везу на Камчатку.

- А ты и рад государеву тайну первому встречному сообщать?

- Ну, ты же друг. Тебе можно,- слегка сконфузился Григорий.

- На Камчатку, значит? Это ты надолго. Мы к твоему возвращению уже, наверное, войну выиграем.

- Да вот, то-то и оно,- грустно вздохнул Мурылев.

- Ладно, брат,- махнул рукой поручик.- Не переживай. Смотри, в Сибири не женись ненароком. Поеду я – в полку сегодня праздник. Счастливой дороги тебе!

Они дружески простились. Поручик влез на сани, укрыл ноги одеялом из сшитых вместе овчинных шкур. Кучер взмахнул кнутом, заиндевевшие лошадки резво взяли с места.

- Ну что, ваше благородие?- спросил Мурылева бородатый казак.- С божьей помощью поедем?

- Поедем,- вздохнул Григорий, подумав про себя, что хорошо бы спросить имя казака. Все-таки, целую вечность придется ехать вдвоем. Через всю Российскую империю – от Финского залива до камчатских вулканов.

Впервые мысль о столь долгом путешествии проникла в его сознание, подавляя бескрайностью просторов родины.

Говорят, что фаворит Анны Иоанновны поручик лейб-гвардии Семеновского полка Самойлов, сосланный на Камчатку Елизаветой Петровной "на всякий случай", до места добирался больше года. Хотя – куда ему было торопиться…

Не то, что курьеру Его Императорского Величества Мурылеву. Государственное дело. Пять сургучных печатей на пакете. Открытая подорожная с красной полосой. Личный возок с личным кучером. И в ногах не какая-то овчина, а настоящая медвежья шкура – не каждый генерал так ездит!

Мурылев оглянулся, словно пытаясь запомнить улицу, дома и спешащих мимо людей – запомнить Петербург, еще раз тяжело вздохнул, решительно сел в возок, тронул казака за плечо.

- Трогай, братец!

- С богом,- перекрестил возок Кирилла Степаныч, наблюдая за ним через замерзшее окно.

Где-то за Екатеринбургом бесконечные истории казака Ивана Морозова начали повторяться.

А под Иркутском Григорий Мурылев с удивлением обнаружил, что знает весь репертуар казачьих песен возницы наизусть.

В памяти перемешались большие и малые города, совсем крошечные ямские станции, запахи съезжих изб, трактиров и постоялых дворов. Григорий уже давно перестал интересоваться кличками лошадей – все равно на следующей станции их сменят на новых.

Утоптанный зимник верста за верстой ложился под полозья возка. А Камчатка словно и не приблизилась.

Несколько раз путь приходилось прерывать из-за метелей. Дважды их преследовали волчьи стаи, даже стрелять довелось. А однажды заблудились и едва не заночевали среди вековых деревьев. Хорошо, что опытный казак учуял запах дыма и направил усталых коней в ту сторону. Так и вышли к селению староверов. Те пришлым не обрадовались – в Сибири вообще петербуржцев особо не любили – но и в ночлеге не отказали. Только лошадей наутро не сменили, как ни размахивал Мурылев своей подорожной.

От станицы Благовещенской до Хабаровска зимник пролегал по льду Амура. Мартовский снег, слежавшийся и ноздреватый, лежал вдоль дороги холмами и пригорками. Только отсутствие деревьев напоминало о том, что внизу под многометровой толщей льда не земля, а бездонная пучина огромной реки.

- Нам бы, Григорий Петрович, к обозу какому-нибудь прибиться,- озабоченно сказал вечером Морозов.

Напившись горячего чаю, они сидели в темных сенях и с наслаждением курили трубки.

- Что так?- лениво поинтересовался Мурылев.

- До Хабаровска рукой подать. Верст пятьсот осталось, поди. Не хочется под конец дороги в неприятности угодить.

- О чем ты, братец?- удивился курьер.

- А вы послушайте.

Мурылев отставил чашку, которую бездумно вертел в руках. Прислушался.

Где-то далеко раздался приглушенный треск, следом стон – басовитый, гулкий.

- Слышите? Амур-батюшка зашевелился. Скоро ледоход начнется. Как-никак март на дворе,- сказал казак.- Велика и глубока Амур-река. Попадем в трещину – и выплывем в Охотском море аккурат в мае. Прямо в возке, с лошадками. Только рыбе на корм нужные. А в обозах мужики опытные, и сами не пропадут, и нам не дадут пропасть.

Мурылев задумался. Обозы ползут медленно, но и Морозов прав. Что толку мчаться во весь опор, ежели депеша до Камчатки не дойдет?

Мимо пробежал хозяин постоялого двора.

- Погоди-ка, уважаемый,- окликнул его курьер.- Верно ли, что Амур вот-вот вскроется?

- Это как господь решит,- охотно откликнулся хозяин.- Морозы вроде уже отпустили, солнышко теплом балует. Рыбаки, вон, пошли давеча на китайскую сторону, да и вернулись ни с чем – говорят, у того берега лед местами истончился так, что даже полыньи появились.

- А как же до Хабаровска тогда добраться без опаски?- растеряно спросил Мурылев.

- Так по берегу можно. В десяти верстах ниже в Амур впадает Бира, вот по ней на север, а там как раз на тракт выскочите. Крюк, конечно, верст эдак в сто, зато дорога.

- Леший с ним, с крюком,- горячо сказал казак,- зато в обозе не плестись. Нагоним, ваше благородие. Эй, борода, лошадок нам хороших завтра запряги.

- Чем богаты, то и запряжем,- хмыкнул в окладистую бороду хозяин и побежал по своим делам.

Амур с утра стонал и трещал, не смолкая ни на мгновение. Над снегами повис серый туман, укатанный зимник превратился в ухабистую дорогу. Так что и Мурылев, и Морозов облегченно и радостно перекрестились, когда слева показалось широкое устье впадавшей в Амур реки. Возок с хода въехал на пологий берег, исчерченный следами саней и лыж, встал на укатанную колею и помчался прочь от стонущей реки.

Всю дорогу бог миловал курьера от главной напасти. А, когда большая часть пути оказалась позади, и Мурылев почти уверовал в свою удачу, из таежной чащи по возку ударили ружейные выстрелы. Казак Морозов слабо вскрикнул, да и свалился с облучка, схватившись за грудь.

Возок остановился. Григорий не успел вытащить из сумки пистолет, как дверь распахнулась. Сильный удар прикладом по голове заставил померкнуть свет в глазах.

Сознание возвращалось медленно. Сначала стали слышны мужские голоса, потом и глаза открылись.

- Очухался?- спросил дородный мужик в лохматой безрукавке.- Мы уже думали, что ты вслед за кучером своим решил отправиться в царствие небесное. У Архипа рука тяжелая, два раза редко бьет.

Мурылев весть о гибели казака воспринял на удивление спокойно. Наверное, потому, что голова все еще болела и кружилась.

Он огляделся. Вокруг заснеженная тайга, костер среди вековых сосен. Под деревом большой шалаш из лапника.

- Деньги возьмите,- глухо и трудно выговорил Мурылев.

- Так взяли уже,- засмеялся мужик.

- Оставьте коня,- продолжил курьер.- Пакет у меня. Государево дело.

- А нам нет дела до государевого дела,- сказал подошедший к кострищу мужик с лицом, смахивающим на змею – острые скулы, приплюснутый нос с рваными ноздрями, широко расставленные раскосые глаза.- Плевать мы на него хотели.

- Ошиблись мы маленько,- продолжил первый разбойник.- Думали, что в возке золотишко. Удивились еще тому, что без охраны. И ты, барин, на свою беду, жив остался. Теперь будем кумекать, как с тобой поступить.

- Грех…- закашлявшись, выдавил из себя Мурылев.

Разбойник в меховой безрукавке пожал плечами:

- Одним больше, одним меньше. Чтобы наши грехи отмолить, во всей Руси воска на свечи не хватит. Да ты, барин, не бойся. Топор остер, Архип могуч. И не заметишь, как на пороге райских кущ окажешься. Казак твой куда труднее помирал.

- Нельзя мне помирать,- с отчаянием сказал Мурылев.- Война в России. Я пакет везу на самую Камчатку. Без него застанут наших врасплох, да и перебьют всех. Мне до лета кровь из носу, а поспеть надо.

- Неужто опять француз напал?- улыбнулся разбойник.

- Француз. А с ним англичане да турки. Восемь месяцев Россия воюет.

- Нам до царских войн дела нет,- снова сказал раскосый.- Может, хоть французы отомстят за Сибирское ханство, что русские завоевали.

- Это когда было-то?- засмеялся разбойник в безрукавке.- Триста лет минуло, а ты никак успокоиться не можешь. С нами на тракт ведь ходишь? Ходишь.

- Да я и вас, казачьих сукиных детей, порезал бы. Только скучно одному в тайге. Потому и терплю.

Раскосый в раздражении бросил в кострище пару веток и отошел.

- Видал?- кивнул ему вслед мужик в безрукавке.- По ханству тоскует. Говорит, что помнит те времена. Врет, ясное дело, никто триста лет жить не может. Однако шаманить умеет, это да.

- Пакет,- растеряно сказал Мурылев.- Камчатка. Война…

Разбойник пошарил руками за бревном, на котором сидел, вытащил на свет знакомую сумку. Дернул небрежно – кожаные ремешки лопнули, словно нитяные. Достал пакет с сургучными печатями, осмотрел, взвесил на ладони.

- Гляди-ка, Бурунташ! И впрямь имеется депеша. Не врет барин.

- Пакет есть, а кому предназначен?- откликнулся из-за шалаша змеелицый.- Небось, внутри приказ хабаровскому губернатору нас изловить, да и повесить.

- Нет, я читать еще не разучился. Его превосходительству губернатору Камчатского края и начальнику порта Петропавловска Завойко Василию Степановичу. Слышь, Бурунташ! А давай отпустим парня? Пускай свое государево дело исполняет. С него даже сапоги взять нельзя – размер маленький, никому не подойдет.

- Не поздно решил добреньким стать?- сощурился раскосый так, что глаз вовсе видно не стало.

- Сам посуди – зарежем мы его тут, а потом на Камчатке из-за этого сотни невинных душ погибнут. И получится, что это вроде как мы их убили.

- Сам же говорил – одним грехом больше, одним меньше.

- Одним – это да. Но тут их сотни! Сатана, наверное, и то нами побрезгует.

Из шалаша вылез еще один разбойник – огромный детина с бородой, заткнутой за кушак. Наверное, тот самый Архип. Вон, и топор блестит рядом с бородой.

- Все одно – не успеет парень до лета письмо доставить,- хмуро сказал он.- Амур полностью вскроется не раньше конца апреля. Навигация, стало быть, начнется с середины мая. По морю плыть не меньше месяца. Не успеет, без сомнения.

- Откуда такие сведения?- изумился разбойник в безрукавке.

- Рыбалил я раньше. До Охотска раз пять доходил. Так что знаю, что говорю. Не успеет.

Разбойники замолчали, разойдясь в разные стороны.

- Обычным путем, конечно, не успеет,- внезапно сказал Бурунташ.

- А ты необычный знаешь, что ли?

- Знаю. Вернее, могу направить. И, сколько бы ни шел, путь все равно закончится первого июня в Петропавловске.

- Шаманские штучки,- неодобрительно пробурчал разбойник Архип. А разбойник в безрукавке спросил:

- Это с чего вдруг ты помочь решил? Русские же тебе враги.

- Русского царя не люблю,- хмуро ответил Бурунташ.- Но уж лучше он, чем неизвестно какие французы с англичанами. Привык я к русским. Понимаю, что кричат, когда их режут.

- Да, Бурунташ, добрый ты татарин,- снова засмеялся разбойник в безрукавке.- Не зря тебе на каторге ноздри повырывали. Так что за путь ты знаешь?

- Шаманить надо,- уклончиво ответил змеелицый.- Духов жертвой уговаривать. Не испугаешься, парень? Дорога в один конец будет. Как кончится, так и ты… того.

Мурылев думал одно мгновение, потом кивнул:

- Главное, что долг свой исполню перед Россией.

- Ишь, глядите – каков справный служака!

А медведеобразный Архип покачал лобастой головой и негромко сказал:

- Вернуть бы зим десять, я бы ни в жизнь тут с вами не оказался. Жаль, что время вспять не течет.

- Кто сказал?- сощурился Бурунташ.- Духи все могут. Только цена тебя не устроит. А пленнику нашему все одно помирать, так хоть с пользой. Ну, рискнем? Ведите коня, который покрепче. А я за бубном в шалаш схожу.

Потом Мурылев во все глаза смотрел, как шаман высыпал в котелок на костре какие-то корешки, вскипятил, добавил серый порошок, мох, что откопал в снегу рядом с костром, размешал варево когтистой вороньей лапой, что болталась на шее в виде амулета.

Разбойник в безрукавке привел невысокую сибирскую лошадку. Бурунташ ловко ткнул ее ножом в шею, сцедил в котелок с кружку крови. Провел рукой над свежей раной, прошептал что-то. Мурылев выпучил глаза – кровь, обильно вытекавшая из раны, тут же остановилась.

- Лежи, не дергайся,- сказал Бурунташ, становясь коленом ему на грудь.- Больно не будет.

И ударил острием ножа в шею.

Мурылев дальнейшее запомнил плохо. В памяти плавали какие-то обрывки – вот шершавая рука шамана пережала разрезанную вену на шее, вот под ночным небом застучал бубен, вот лошадь заржала испуганно, вот кто-то из разбойников ахнул и помянул пресвятую богородицу, а Бурунташ сердито шикнул на него и сказал, что негоже разным силам в одном месте собираться…

Очнулся курьер, обнаружив, что сидит верхом на лошади. В голове сильно шумело, перед глазами плавали кровавые мошки.

- С пути не сворачивай,- сказал голос, ничуть не похожий на голос одного из разбойников.- Силе не противься. Ноги сами приведут к концу. Вы с конем теперь одно целое. Сгинет конь – пойдешь пешком. В мешке сушеное мясо. Да, и письмо твое тоже там. Исполнишь свое – отдашь нам наше. День, ночь – дорога сама ляжет под ноги. Ступай.

Лошадь мотнула головой и неуверенно шагнула. Мурылев уцепился руками в жесткую гриву – ни седла, ни узды не было.

Чудовищная апатия овладела им с первых минут. Не было никаких желаний. Не было никаких воспоминаний. Не было никаких чувств. Только мерный ход лошади, с которой Мурылев будто слился воедино. День, ночь, день, ночь, день, ночь…

Судя по солнцу, с каждым разом гревшему все сильнее, его путь почему-то лежал не в сторону обжитых мест. Наоборот, он уходил все дальше в тайгу, забирая севернее и восточнее. Но удивляться этому сил тоже не было.

Несколько раз из чащи навстречу выходили волчьи стаи. И всякий раз, едва запах лошади и человека достигал чутких носов, звери начинали скулить и разбегались в разные стороны, словно спасаясь от неведомой опасности.

День, ночь, день, ночь, день, ночь…

Сопки, поросшие высокими деревьями, сменялись лысыми горными хребтами. Под ногами лошади хлюпали болота, трещал камыш, осыпались камни. На ходу она хватала пучки свежей травы. На ходу Мурылев жевал сушеное мясо.

День, ночь, день, ночь, день, ночь…

Он почти уже проехал мимо стойбища эвенков. Но оленеводы разглядели в тундре необычного всадника на странном животном, догнали, с трудом остановили и привели к своим чумам.

Мурылев лежал на мягких шкурах, чувствуя, как ноги продолжают шагать. А в загоне билась лошадь, тоже протестующая против остановки.

- Ты кто?- спросил Мурылева старик, чье лицо состояло из сплошных морщин. Только черные глаза смотрели так, словно кто-то нацепил маску старика.

- Я?- Мурылев продолжал шагать по воздуху.- Мне надо. Пакет. Отпустите.

Старик вздохнул, проверил крепость стягивающих тело курьера ремней и ушел. Вернулся с чашей, над которой вился пар.

- Однако, выпей. Отпустит маленько, тогда и поговорим.

Мурылев сделал несколько глотков, захлебнувшись с отвычки. И почувствовал, что ноги остановились.

- Больно злые духи тобой владеют,- озабоченно сказал старик.- Помрешь ведь, паря. Не боишься? Как ты к ним попал?

- Нужно. Пакет. Государево дело,- отрывисто пробормотал Мурылев.- Шаман заколдовал. Успеть. До лета. Потом все равно.

- Эх, паря, паря! Извели тебя духи. Ты ведь не наш, чтобы их помощь принимать. Совсем себя извел – на солнце просвечиваешься, однако. На крови заклинали? Совсем плохо дело. Куда спешишь?

- Петропавловск.

- Это большое стойбище русских на берегу соленой воды? Бывал, знаю. Недалеко тут. Восемь переходов на олешках, однако. Знаешь, что? Буду тебя, паря, спасать. Злые духи должны жить в своем мире. Сейчас поговорю с ними, может, отпустят.

Вскоре чум наполнился причудливыми запахами. Мурылев лежал с закрытыми глазами, страдая от боли, что овладела каждой клеточкой его истомленного дорогой тела, и слушал звуки бубна и непонятные слова, которые то шептал, то выкрикивал старик.

- Эй, паря!- вдруг спросил шаман совершенно будничным голосом.- Духи твою жизнь просят. И жизнь твоего оленя без рогов. Я договорился с ними на одну жизнь. Не жалко оленя?

- Жалко,- вздохнул Мурылев.

- Но себя-то, небось, жальче? А? Так что – пусть забирают?

- Раз уж так положено…

- Ага, положено,- согласился старик.

В тот же миг лошадь за чумом закричала отчаянно и громко. И стихла.

По телу Мурылева пробежала судорога, выворачивая кости, сжимая грудь, перехватывая дыхание. Он и рад был тоже закричать, да не смог. А потом пришло небытие…

Несколько оленей, запряженных цугом, тащили по влажному мху волокушу, в которой лежал Мурылев. Силы так до сих пор и не вернулись, хотя ел и пил курьер с недавних пор исправно. Вот только ноги отказывались держать истощенное тело.

Пакет с пятью сургучными гербовыми печатями он крепко прижимал к груди.

- Злые духи для тебя согнули в дугу время,- объяснял странности недавнего прошлого старый эвенк.- Ты вроде идешь день за днем, а для всего мира тебя и нет. Вроде как вышел за ограду, понимаешь? Мы живем по дуге, а ты шел напрямую от одного ее конца до другого.

- Понимаю,- кивал Мурылев.

- Эх, паря, ничего ты не понимаешь,- смеялся старик.- Понимал бы – не стал с духами договор заключать. Потому как с концом дуги и твой конец бы наступил. Помер бы, ясно? Неправильно договор заключил, однако – продешевил, паря!

Олени неожиданно остановились.

- Ну, паря, давай, однако, прощаться,- сказал вдруг старик.- Сам дойдешь. Видишь впереди дым? Это за холмом твой Петропавловск. А нам обратно пора. Олешкам ягель кушать много нужно.

- Спасибо,- растрогано сказал Мурылев.- Чем я могу отплатить вам за помощь?

- Чем?- старик сделал вид, что задумался, хитро улыбнулся.- Однако, можешь! Никому не рассказывай о том, что с тобой случилось. А то поедут по стойбищам всякие ученые люди в поисках запретных знаний, весь ягель вытопчут. Обещаешь?

- Да!- засмеялся Мурылев и медленно зашагал вверх по склону холма. На верху оглянулся – ни старика, ни оленей…

Он вошел в город со стороны огородов – с длинной клочковатой бородой, в драном мундире, без головного убора.

- Эй, ты откель такой?- грозно окликнул его солдат – караульный у каких-то ворот.

- Я? С корабля сошел,- тут же нашелся с ответом Мурылев.- Подскажи, служивый, как мне к дому губернатора пройти?

- А тут все улицы ведут на центральную площадь. Только в таком виде тебя к губернатору не пустят. Не любит он замарашек. Строг Василий Степанович, учти.

- Учту, спасибо. Еще подскажи, будь любезен – день сегодня какой?

- Что, небось, весь переход пили на судне?- хмыкнул солдат.- Обычный день. Первое июня. Лето началось.